

УДК 811.132

РОМАНСКИЕ И ГЕРМАНСКИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ РЕТОРОМАНСКОГО ЯЗЫКА

Ю.Н. Варзони́н, Д.Г. Персикова

Приводятся результаты сравнительно-исторического описания типологических характеристик германских и романских языков на примере ретороманского языка. Обсуждаются отличительные черты ретороманского вокализма как продукты длительной эволюции, особенности словообразования, причины лексических расхождений в разных регионах, семантическая эволюция диалектов, грамматические категории и синтаксис. Даётся обоснование трактовки ретороманского языка как самостоятельного, относящегося к романской семье, но обладающего, в то же время, большим набором черт, присущих германским языкам, в частности, немецкому.

Ключевые слова: ретороманский язык, германские языки, итальянский язык, типология, сравнительно-историческое описание языков.

Данная работа является сравнительно-историческим описанием типологических характеристик германских и романских языков на примере ретороманского языка как языка, изученного крайне недостаточно, являющегося, наряду с наиболее крупными языками германской и романской семей – немецким, французским и итальянским – официальным языком Швейцарской конфедерации, и ставит своей целью выявление основных закономерностей развития ретороманского языка, формирования его фонетики, грамматики и лексики, в диахронии, в том числе влияния на него других официальных языков Швейцарии, встречающихся в ареале распространения ретороманского языка – кантон Граубюнден, а именно – немецкого, французского и итальянского, также – возможности функционирования малого языка в качестве официального в условиях равноправной полигlossии и – в особенности – анализ языковой политики Швейцарии как государства не только многоязычного, но и многонационального, а к числу последних относится и Россия. Цель определяет следующие задачи: 1) при изучении лексики как более открытой системе языка анализ заимствований в условиях многоязычия; 2) при изучении грамматики как системы более замкнутой: установление степени сохранения как исходно латинских черт, так и черт, приобретённых в результате интерференции, в тех или иных грамматических категориях языка; 3) выявление состояния изученности ретороманского языка в отечественной лингвистике.

В отечественной лингвистике ретороманский язык изучен очень мало, недостаточное внимание его изучению уделяется и в самой Швейцарии. Более того, последние переписи населения показывают постепенное снижение доли говорящих на нём, растущую, в свою очередь, в пользу языков стран Южной и Восточной Европы, Ближнего Востока, Северной Африки.

Ключевыми методами исследования являются анализ, описание, сравнение и обобщение данных, полученных на основании изучения

литературы, в том числе – на ретороманском, французском и немецком языках, и электронных источников, кроме того – издающейся на ретороманском языке швейцарской прессы, материалов электронных средств массовой информации. При написании настоящей работы применялись и квантитативные (количественные) методы, контент-анализ, анализ и описание сведений, представленных в работах по сравнительным типологиям романских и германских языков, в учебных пособиях по ретороманскому языку и квантитативной лингвистике.

Ретороманский язык является одним из государственных языков Швейцарской конфедерации, наряду с немецким, французским и итальянским, данный статус языка зафиксирован в ст.116 Конституции Швейцарии 1938 г., но лишь как национального языка (нем. Nationalsprache), а не как официального (нем. Amtssprache). В 1880 г., согласно конституции кантона Граубюнден, наравне с итальянским и немецким, был объявлен кантональным (нем. Landessprache) языком. Ареалом его распространения является, главным образом, кантон Граубюнден (юго-восток Швейцарии), горные долины Переднего, Среднего и Заднего Рейна и их притоков, горный район Тироля (Доломитовы Альпы), (области Сурсельва, Сутсельва, Сурмейр (Сурмиран)), долина Инна, область Фриуль (в настоящее время – итальянская провинция Удине, отошедшая к Италии от Австрии в 1919 г. (Энгадин). Во всех указанных, кроме Энгадина, областях, отмечается ретороманско-немецкая интерференция, а иноязычные «анклавы» разрывают диалектный континуум, тогда как в Энгадине – ретороманско-итальянская в силу очевидных исторических причин, и наблюдается стыковка анклавов с диалектами на границах территории.

Иными словами, территория распространения ретороманского языка – разорванная, не имеет чётко выраженных границ, одновременно входящая в континуум швейцарских вариантов немецкого языка. Немецкий язык выполнял функцию языка междиалектного общения.

Внутри языка выделяются две группы диалектов: романшские (сельвские) – в западной части кантона Граубюнден – долина Переднего Рейна, выше Кура и Рейхенау, и энгадинские (ладинские) – в восточной. К восточной группе диалектов относят также так называемый говор Мюнстерской долины (самоназвание – «джауэр» по утвердительной форме jaui «да»), очень близкий к энгадинскому.

Наддиалектная письменная форма языка, так называемый Rumantsch Grischun, была создана искусственно в конце XX века, в 1983 г., на базе наиболее крупных диалектов ретороманского языка – сурсельвского и сурмиранского, на их базе ещё в 1729 г. была оформлена грамматика, но основой для современного ретороманского принято считать всё-таки сурсельвский. В 1825 г. на оба диалекта были переведены законы, используемые в сфере официально-делового общения, диалекты ежегодно чередовались. Официальный статус Rumantsch Grischun получил в 1996 г. Литературная форма отсутствует. До этого периода ситуация осложнялась

наличием в языке двух равноправных орфографий – энгадинской и сельвской; данная деталь, пусть и спорно, но часто связывается с большей долей протестантов среди населения восточной части кантона и католиков – среди западной. Этот факт оказал серьёзное влияние на последующее развитие ретороманского языка, о чём, в частности, свидетельствует указанный выше факт сосуществования двух орфографий – католической и протестантской, а также то, что единой наддиалектной формы языка длительное время выработано не было, хотя литературные нормы к концу XIX в. были описаны и зафиксированы в грамматиках. Созданию единого литературного ретороманского языка также препятствовали немецкая политика языковой ассимиляции и зависимость от Венеции Фриуля. Одним из следствий усиленных стремлений унифицировать язык стало появление обществ защиты местных языков: Romania – католическая Сурсельва, Renania – протестантская Сурсельва, Uniun dals Grischs – Энгадин и Мюнстерская долина, Uniung Rumantscha da Surmeir – Сурмейр, до наших дней ведущие активную работу по защите отдельных диалектов. Разногласия на данной почве удалось преодолеть лишь в первой половине XX в., но Швейцария и в наши дни остаётся в числе стран, где одинаково наблюдается как национальное многоязычие, так и индивидуальное одноязычие, наравне с Канадой, Швецией или Индией. Орфография ретороманского языка очень схожа с итальянской, но для передачи шумных согласных применяются также элементы и немецкой.

Было бы ошибочно полагать, принимая во внимание уникальную, сложившуюся исторически в находящейся в самом центре Европы Швейцарии ситуацию четырёхязычия, что ретороманский язык – только диалект какого-либо более крупного романского или германского языка, получивший официальный статус – язык этот совершенно самостоятельный, относящийся к романской семье, но обладающий, в то же время, большим набором черт, присущих германским языкам, в частности, немецкому. Можно говорить, что в некоторой степени перед нами – результат интерференции с немецким и итальянским языками, но из-за особенностей его распространения – в краевой зоне – получила существование версия о «маргинальности» ретороманского языка, никакой почвы под собой не имеющая.

Частая дифтонгизация гласных, даже в закрытом слоге, – яркая черта ретороманского вокализма, в то время как исходные дифтонги в ряде случаев распались. Сохранился ударный латинский [a], нося характер передненёбного, о чём свидетельствуют последующие изменения предшествующих данному звуку гортанных. В Энгадине [a] в свободной позиции видоизменялся до долгого [e] (у Бифруна встречаются также написания «ê» и «ae»). В западной части Энгадина наблюдается дифтонгизация под влиянием последующего сонанта [a>au], преобразовавшегося впоследствии до [ou>o], e.g. руманш. ranem>raun>roun>ron «хлеб».

В Верхнем Энгадине монофтонгизация прошла через промежуточный этап [eu>e], как следствие тому – *reun>rem. Аналогичный процесс прослеживается в нижнеэнгадинском, e.g. gron(t)<grandem, floma<flamma, и в

то же время – *grant, flama* в верхнеэнгадинском, что можно объяснить либо регрессивной ассимиляцией (ранняя, в X в., веляризация *a* перед простым *m/n*+согласный, отличительная черта говоров Юго-Восточной Италии и севера Балканского п-ова), либо следованием другого гласного за сонантом.

Из изначальных дифтонгов сохранился [au], редуцировавшись до [o] в Верхнем Энгадине и Тироле: e.g. *taur<taurum* «бык» (руманшский, нижнеэнгадинский, фриульский диалекты). Также, дифтонг [au] образовывался путём огласовки [a+I] перед согласными, e.g. руманш. *aul(t)*, тирол. *aut*, в.-энгад. *ot*, фриуль. *alt<altum* «высокий».

В западных областях данный дифтонг может также быть результатом выпадения зубного в суффиксе –*ātu* через этапы <*adu<adu<awdu<awu*. Так, в документах Сен-Галлена (VIII-IX вв.) встречаются такие формы, как *pradum(pradu)* «луг» (ср. фр. *pré*, ит. *prato*), тогда как *prau* отмечена только в тексте от 1293 г. Именно эта форма и является этимологом для руманш. *prau*, в.-энгад. *pro*, н.-энгад. *pra*, при этом во Фриуле и Тироле сохранились формы *pra* и *prat* соответственно. Такую же эволюцию претерпели все причастия прошедшего времени на –*atu*.

В первоначальный романский период отмечена также дифтонгизация кратких [o] и [e] в закрытом слоге до [ie], [uo], чему предшествовал переход долгого [e] перед свободным [n] в краткий [e], и долгого [o] перед [n] в краткий [o] или [u] во всей ретороманской области, кроме долины Рейна, как следствие тому – *bein, bain, ben<bene* «хорошо» и *bon<bonum* при руманшской форме *bien*. Эта исходная дифтонгизация, наблюдавшаяся в Ретии, через Фриуль и Истрию распространилась до Далмации, а на Балканском п-ове затронула и закрытые латинские слоги, о чем, например, свидетельствуют *ieri<heri* «вчера» или *riert<pectus* «грудь» в румынском языке. Редукция изначальных дифтонгов может объясняться характером последующего согласного, особенно в западных областях, или же последующего гласного до его отпадения.

Отдельного внимания заслуживают крайние гласные [i], [u]. Ударный [i] сохранился, (рет. *fil<filum* «нить»), хотя в некоторых областях, в частности, в Тифенкастене (между Рейном и Инном) претерпел переход [i>ii>ei]: e.g. *feil* «нить», *durmeir* «спать». [U] в восточных областях также сохранился (*mur<murum* «стена»), но в западных, в Граубюндене, Галлии, северной Италии, кельтских районах, – лабиализовался, e.g. энгад. *mur* или *murk*. Но открытость данного звука была столь сильной, что к концу XVI в. во всей Рейнской области он перешёл в [i] (e.g. руманш. *mir<murum*).

Итак, основными отличительными чертами ретороманского вокализма можно назвать следующие.

1. Повсеместная редукция конечных гласных (кроме [a], редуцировавшегося на востоке до [e]),

e.g. руманш. *teila*, энгад. *taila*, фриул. *tele* <*tela* «ткань»;
румманш. *vaka*, энгад. *vatxa*, фриул. *vatxe* <*vacca* «корова»
kaval<caballu «лошадь»; *klaf<clave* «ключ»

2. В начальном слоге гласные сохраняются, но получают тенденцию к сжатию, [o] превращается в [u]: энгад. *dulair* «боль», *murir* «умирать», *purter* «носить». Начальный [e] на западе также переходит в [a]:

лат. *mensura* > *mazira*, *mazura* «колени»

minare > *mana*, *mner* «погонять»

**geniculum* > *zanul*, *snuel* «колени».

3. Предпоследний гласный в словах с ударением на третьем слоге (пропаракситонах), как правило, сохранился, кроме случаев конечного а, выпавшего в Граубюндене и оставшегося в восточных областях, тогда как в центральных наблюдаются вариации:

e.g. *femina* > *femna*, *fomna*, *femena*, *femine* «женщина»

juvenem > *dyuven*, *dyuven*, *dzovin* «молодой»

tepidum > *tievi*, *tevi*, *tiepit* «тёплый»

**mulgere* > *mulzer*, *mundzer*, *moldzi* «доить»

pulicem > *pelis*, *pules*, *pults* «блоха»

Это может объясняться длительной постановкой ударения на третий от конца слог, что повлекло за собой редукцию в Ретии и в южной Галлии. Предударный начальный гласный выпал на западе и в центре, а на востоке – сохранился: e.g. *animale* > *arnal*, *nemal* «животное»; *forgare* > *fogolar*, *ocular* «очаг».

В Ретии начальные латинские согласные, как правило, сохранились, единственным важным изменением является палатализация. Но именно наличие сочетаний [kl], [pl] позволяет отграничить язык ретороманской области от итальянского: e.g. *klef*, *tsaf* > ит. *chiave* «ключ»; *plazair*, *piaze* > ит. *piacere* «удовольствие».

Бывшие [k], [g] (с, g+e,i), оставшиеся от народной латыни, видоизменились до [ts] (впоследствии сохранившегося) и редуцировавшегося [dz > z]: e.g. ит. *cena* > *tseina*, *tsaina* «обед»; ит. *gelare* > *zela*, *zler* «замерзать».

Сохранение конечного латинского [s] отделяет ретороманский ареал от Италии и связывает его с западными областями. С другой стороны, редукция всех, кроме а, конечных гласных, повлекла за собой образование новых окончаний согласных, глухих, как и в Галлии. Так, конечный [v], первичный или образовавшийся из интервокального [p > b], оглушается до [f]: e.g. *clavem* > *klaf*, *klef* «ключ»; *lupum* > *luf*, *lof* «волк».

Сохраняется конечный [t], как и в провансальском языке (e.g. *sitim* > *seit*, *sait* «жажда»); на западе появляется t протетический между плавным и [s],

e.g. *bellos* > руманш. *bialts*, энгад. *belts* «красивые»

энгад. *fumos* > *fuernts* «печи».

Повсеместно происходит [k > ts/s], e.g. *crucem* > руманш. *krus* «крест».

Конечный [n], как правило, приобретает характер задненёбного, особенно в восточной части ареала: *bonum* > *bun*, *bon* «хороший». Конечный [r], преимущественно в окончаниях инфинитивов на -ar/ir, в энгадинском языке сохранился, тогда как в руманшском и фриульском отпал.

Ретороманская зона граничит с северной Италией на юге и с территорией древней Галлии на западе; данным фактом можно объяснить лексические соответствия с обеими областями в народной латыни, ставшей

фундаментом для ретороманского языка. Например, родство с итальянским прослеживается в таких словах, как:

e.g. *expectare*> *asperctare*, *aspettare*, *spitxa*, *spatter*, *speta* «ждать»

tabulatum> *tavolato*, *klavau*, *talvo*, *tubla* «дощатый пол»

**postcenium*> *pusigno*, *pusein*, *pusen* «еда после ужина»

melum>*melo*, *meil*, *mail*, *mel* «яблоня»

rom.

pater>**babbus*, *babbo*, *bar*, *pere*, *pari* «отец»

Также в этой связи стоит упомянуть о существительных *ruina*> *rovina*, *ruina* «разрушение», *plebem*> *pieve*, *plaf* «приходская церковь», прилагательных *acerbus* «незрелый, кислый», *pinguis* «жирный, толстый». Тем не менее, в латыни Ретии, Галлии, а также – Цизальпинской области, сохранились: e.g. *mustela*> *mostela*, *mostoile*, *misteila*, *mustaila* «ласка»; *mentonem*>*mentum* «подбородок»; **soliculus*>*sulel*, *sulal*, *suradl*, *soreil* «солнце».

Кроме того, в Граубюндене используется назализованная форма **sambati-dies*>*sonda*, *sanda* (*samedi*) «суббота», тогда как в Тироле и Фриуле употребляются соответственно *sabada*, *sabide*, соответствующие итальянскому *sabato* и провансальскому *dissapte*.

Только в ретороманской области сохранились формы *aulze*<*algere* «мёрзнуть», своего рода напоминание о страданиях римлян от холода в горах, *caseolus*<*caseus* «сыр» (но при этом – руманш. *Kiziel*, *txazoel*, *furmadi*), существительные *codicem*>*kudis*, *kudes* (*libri*) «книга», *limen*>*lims*, *lim* «порог», *accessus*>*antsies* «предел, граница». К этому же пласту лексики стоит отнести форму герундия **guadiendo*>*budyen*, *gudyent* «радуясь» и употребляемого только в значении «охотно». Также в некоторых отдалённых районах Ретии сохранились глаголы *incipere*>*antseiver* «начинать», а формы, родственные **jentare*>*dyentà*, *yantar* «обедать» – только на Иберийском полуострове **dis(je)junare* (*desayunar*, *jantar*). Отдельного внимания заслуживает номинация цветов в Граубюндене: характерное для данной области *rossinus* «красный» (ср. руманш. *txetsen*, энгад. *kotsen*, тирол. *Koetse*, но фриул. *ros*<*russum*); *albus* (руманш., энгад. *alf*) «белый», сохранившееся в восточных областях, но в Тироле и Фриуле замененное на герм. *blank*; *melinus* «рыжеватый» (ср. руманш. *mélen*), также распространенное в Сардинии. В Граубюндене встречается немало количество лексем, так или иначе известных и в других областях; как правило, они вошли в активное употребление в Ретии под влиянием церкви: e.g. *basilica*, *bazeldya* (*dileza*, *glezie*) <*ecclesia* «церковь»: *signum* (*sen*, *sain*) «колокол»; *quingadesima* (*tsunkeismas*, *tsinkaisma*) «Троицын день»; *hebdomas* (*iamna*, *emna*, *edma*) «неделя»; *setemane*<*septimana*.

Приведённые выше примеры показывают произвольный характер распределения латинизмов между районами Ретии, только усилившийся с течением времени ввиду отсутствия сформировавшегося литературного языка. Так, слово *campus* «поле» (*kamp*, *txamp*) используется по всей области, кроме Энгадина, где большее распространение получает *area*>*er*; *areder*<*aratum* «плуг»; существует наряду с тирольск. *kudria*, фриул. *kodreo*<*quadriga* «четверка». Только на востоке сохранилась форма широко

используемого ранее *arbor* > фриул. *arbul* «дерево», тогда как в других частях ретороманского ареала используются *planta* > руманш. *plonta*, **boscum* > энгад. *boestx*, *lignum* > тирол. *len*. Названия животных также довольно многообразны:

e.g. **nutricem* > руманш. *nuersa*, энгад. *betsx*
bestia > тирол. *biesa*
pecora > фриул. *pioce* «овца»;
gallus > н.-энгад., тирол., фриул. *dyal* «петух».

Однако в Граубюндене для данной номинации служит слово, образованное путём ономотопеи с опущением первого слога:

**co-cottus* > руманш. *txiet*, в.-энгад. *txoet*.
Разнятся и слова, служащие для называния мыши:
e.g. *murem* > руманш. *miur*, энгад. *mukr*
**soricem* > фриул. *soris*, тирол. *suritsa* (ср. фр. *souris*).

В восточных областях сохранилось латинское название лёгкого: e.g. фриул. *polmon* < *pulmonem*, но в Граубюндене для этой цели используются народные слова, e.g. *lumbum* > руманш. *lom* «поясница»; **coralia* > *kurala*.

Разнообразно также и употребление частиц; на востоке сохранилась форма *quando* > тирол. *kan*, фриул. *kuant* «когда», на западе же она была вытеснена парафразой *qua hoga* > руманш., энгад. *kuga*. В значении «всегда» также стала использоваться парафраза **ad-una* > руманш. *adina*, энгад. *aduna*, но во Фриуле куда большее распространение получает *semper* > *simpli*.

Большое количество заимствований можно отнести к причинам, спровоцировавшим лексические расхождения в Ретии. На севере среди заимствований преобладают германизмы, тогда как на юге и на востоке, в диалектах Фриуля, Тироля и Верхнего Энгадина ощущается влияние итальянского языка. Германизмы, проникшие в язык во время крупных нашествий и встречающиеся по всему ретороманскому ареалу, заслуживают отдельного внимания: e.g. *waidhanjan* «раздобывать»; *frisk* «свежий»; *werra* «война»; *gauba* > руманш. *goba*, фриул. *goube* «товар, продукты».

В ходе систематических контактов с германскими племенами на территорию Граубюндена проникают алеманнские лексемы, тогда как баварские проникают в латинские долины Тироля. Некоторые из данных слов вышли из активного употребления уже после XVII в. (*schiaffir*, у Бифруна имеющее трактовку «делать, создавать»). В качестве распространившихся и сохранившихся в Граубюндене заимствований можно привести следующие:

e.g. *Wald* > руманш. *uaul*, энгад. *got* «лес»;
Leute (в алеманнской форме *liuti*) > руманш. *lout*, энгад. *liet* «люди», в западных районах вытеснившее *gentem* > тирол. *zant*, фриул. *int*;
Zange > руманш. *tsaunga*, энгад. *tsaindua* наряду с **tenacula* > тирол. *tanaia*, фриул. *tanae* «клещи»;
Platte > руманш., энгад. *plata*, тирол. *folgare*, фриул. *fogolar* (NB! < *foculare*) «плита очага»;
Knauel > руманш. *keni*, энгад. *txane* (< *glomus*) «моток».
Schneider > руманш., энгад. *Snedr* «портной»;
Kramer > руманш. *hermer*, энгад. *Kramer* «торговец галантереей»;
Glas > *glas* «стакан»;
Brust > руманш. *brust*, энгад. *bruest* «грудь».

Однако в руманшских говорах долины Рейна встречаются такие слова как *hass* «ненависть», *finderguet*<*Fingerhut* «напёрсток», *snabel*<*Schnabel* «клюв», *tier*<*Tier* «животное, зверь» (отмечаемое также в ранних энгадинских текстах), *luft*<*Luft* «воздух» (в Энгадине вытесненное ит. *aria*> *aier*). Весьма интересна ситуация с глаголом *schengen* (нем. «дарить»), в руманшском диалекте сохранившегося в форме *sengia* и в форме *sinke* – в тирольском; при этом в Энгадине данное понятие выражается при помощи итальянского слова, а в восточных областях – через латинизм: e.g. энгад. *regalér*, фриул. *donà*. В качестве примера лексем баварского происхождения, характерных для центральной области, можно привести тирольское *poder*< нем. *Bader* «врач», что подтверждается оглушением начальной согласной до р. В конечном итоге, на Рейне и в Мюнстерской долине степень германской интерференции была столь значительна, что латинская частица *jam* «уже» была вытеснена германской *son*>*schon*.

Количество итальянизмов, проникнувших в Рейнскую долину, весьма и весьма ограничено; так, сравнительно недавно (вторая половина XX в.) из итальянского в руманшский переходит глагол *ciancare*>*tsintsa* «болтать», также получивший значение «разговаривать» (возможно, по аналогии с французским *bavarder*), заменив тем самым употребляемый в данном значении *plaidar*<*placitare* и *gaschunar*< **rationare*, широко распространенный в текстах XVII в. В Верхнем Энгадине ситуация складывалась диаметрально противоположно в силу географических особенностей региона, о чём свидетельствует наличие таких слов, как *piler* (ит. *pigliare*) наряду с руманш. *prender*, тирол. *to*, фриул. *toli*<*togliere* «брать», энгад. *amalo*<*ammalato* «больной», распространившееся по всей Ретии, кроме прирейнских областей, где сохраняется руманш. *maltsoun*<*male sanum*, а также широкоупотребительные *gratxa*<*grazia* «благодарность, милость», *vouta*<*volta* «раз» и др. На юге Тироля итальянизмы также получают широкое распространение, e.g. *fatsulat*<*fazzoletto* «носовой платок»; *tsita*<*città* «город».

Но сильнее всего итальянское влияние ощутимо во Фриуле, где со времен Средневековья как в разговорной, так и в письменной речи зафиксировано немало заимствований, среди которых следующие: *strade* «улица», *zornade* «день», *chiampana* «колокол», *chianzunetto* «песенка»; абстрактной лексики: *dissegn* «намерение, замысел», *coraggio* «смелость», *bellezza* «красота», *tenerezza* «нежность»; прилагательных: *lontan* «далекий», *contadin* «крестьянский», *chiatif*< *cattivo* «злой», *pizzinin* «крошечный»; а также глаголов: *favela*< *favellare* «разговаривать» (ср. порт. *falar*).

Назовём особенности словообразования в ретороманском языке.

1. Названия «действующих лиц» (*agens*) на –*ator*/-*itor*, как и в старофранцузском языке, имели два падежа, из которых сохранился только субъектный, e.g. руманш. *mulgiader/mulgider* «доильщик (коров)»; *gumrader* «прелюбодей, искуситель»; энгад. *crededer* «кредитор».

2. Наиболее продуктивным для образования абстрактных существительных суффиксом стоит назвать –*itatem* (Граубюнден), в долине

Рейна преобразовавшийся до –*adat* и может присоединяться к прилагательным на –*eivel*. Аналогичная ситуация обстоит с суффиксом –*iram*, e.g. руманш. *largira* (ср. фр. *largeur*) «ширина»; *rupira* «бедность».

3. В руманшском диалекте широкое распространение получают прилагательные на –*ibilis*, e.g. *buntadeivel* «приветливый»; *cunschteivel* «драгоценный».

В Энгадине более употребительны прилагательные на –*ivus*, e.g. *cosch.tif* «крутой»; *sulaglif* «залитый солнцем»; *laschantif* «праздный».

Для аналитического выражения степеней сравнения к прилагательным часто присоединяются усилительные или уменьшительные суффиксы:

e.g. н.-энгад. *grondun* «очень большой»;

pitschenin «очень маленький»;

ladatsch «очень широкий».

Итак, основной особенностью глагольного словообразования в Граубюндене является широкое использование народного способа словообразования глаголов от причастий настоящего времени, практиковавшийся крайне редко, за исключением Иберийского п-ова. Большое количество подобных глаголов зафиксировано в энгадинских текстах XVI в., в основном это глаголы с побудительным значением, e.g. *palantêr* «проявлять»; *perantêr* «губить»; *atturnantêr* «возвращать».

У Бифруна также встречается такой пример: *Aque es Christum atturnantêr su dals mors* <hoc est Christum a mortuis revocare «чтобы вернуть Христа из мертвых». В современном руманшском к глаголам такого типа можно отнести *fimentà* «коптить»; *bletschentà* «мочить»; *muentà* «приводить в движение».

Особенность глаголосложения, вышедшая за пределы Ретии в говоры северной Италии, объясняется значительным германским влиянием по всей ретороманской зоне.

Семантическая эволюция диалектов крайне проста. Так, в долине Рейна в результате расширения смысла слова *mercatus* > руманш. *marcau* стало означать «город», а *pontonem* > *pantun* – «помост в стойле». В Нижнем Энгадине, а также в Италии, получают распространение естественные метафоры, e.g. *tampeschta* (ср. ит. *tempesta*) «град»; *saietta* «молния»; *vadret* <*vaider* <*vitrum* («стекло»; употребляется в значении «ледник»).

Во фриульском диалекте также отмечены подобные закономерности, например *fructus* «плод» > *frut* «ребенок», а **amicitatem* > *mistat* изменяет свой род с женского на мужской и используется не в исходном значении «дружба», а в приобретенном «помолвка» во всей граубюнденской области.

Рассмотрим теперь грамматические категории и синтаксис.

Глагольная система группы ретороманских диалектов в основном тождественна глагольным системам других романских языков. Но необходимо отметить следующие закономерности:

1. Практически вышло из употребления прошедшее время совершенного вида (времена плана *Perfectum*), хотя в ранних текстах оно встречается, e.g. *fuit* (энгад. *fut*, руманш. *fo*, в качестве контаминации прошедшего времени несовершенного вида – *fova*) «был». Также фиксируется форма 3-го лица

единственного числа на *-et*, что позволяет говорить о распространенности форм прошедшего совершенного на *-dedi*, e.g. *menet* «помнил»; *respondet* «ответил».

2. В долине верхнего Рейна отсутствует стандартная романская форма будущего времени, но в энгадинском диалекте наблюдаются формы *purtero* «принесу», *durmiro* «буду спать», хотя и крайне малоупотребительные. Аналогичные указанным и более распространенные формы встречаются в Тироле и Фриуле, e.g. *portarai*. Более того, во Фриуле, как и во всей северной Италии, существует форма условного наклонения, образовавшегося из раннего *plusquamperfectum* сослагательного наклонения *-portares*. В Граубюндене Бифруном, наряду с синтетическими формами, в значении будущего времени употребляется парафраза **venio ad facere* «сделаю», впоследствии замененную **venio facere*> руманш. *venel fa*, н.-энгад. *ven far*. Данная форма могла сложиться как под влиянием немецкой конструкции *ich werde tun*, так и под влиянием французской формы *futur immédiat – je vais faire*. Как вспомогательный глагол также фигурировал **voleo*, что описано Да Сале в руманшской грамматике 1729г.; так, в парадигме будущего времени приводятся *jaû vi* наряду с *veng cantar* «буду петь», *ti vol /vengs cantar* «будешь петь».

3. Во всех ретороманских диалектах отмечается тенденция к сохранению только одного ряда окончаний в настоящем времени. Так, в Граубюндене парадигма *Praes. Indicativi* для глаголов на *-are* выглядит следующим образом:

e.g. руманш. *portel purtein* «нести»

portes purteis

porta porten

энгад. *portest, porta, purtaints, purtais, porten*.

Для глаголов на *-ere* парадигма полностью идентична, а для глаголов на *-ire* различия проявляются только в формах 1-го и 2-го лиц множественного числа: руманш. *durmin, -is* «мы спим, вы спите»; энгад. *durmints, -is*. В Тироле окончание 1-го лица множественного числа, возможно, оформилось в силу интерференции с говорами северной Италии и северной Галлии: *porton, purtun*. Наиболее частотной парадигмой I спряжения во Фриуле следует считать *quarti, quartis, quarte, purtin, purtes, quartin*; для других спряжений парадигмы почти аналогичны, кроме 3-го лица единственного числа и 2-го лица множественного, как, например, в случаях *vent* «продаю», *duar* «сплю», *durmis* «вы спите». Окончание 1-го лица единственного числа – результат эволюции лат. *io*, тогда как окончания 2-го лица единственного числа и 3-го множественного закономерно восходят к *-as/-ant*. Это позволяет утверждать, что *s* финальное в окончаниях 1-го лица мн. ч. *<-tu(s)* в Ретии, так же как и в южной Галлии, отпало очень давно. При этом в Эйнзидельском тексте мы встречаем формы *timimo* «мы боимся», *veniamo* «мы приходим». Энгадинская форма *purtaints* <**portemunos* – новая и восходит только к концу XVI в. В западных областях первоначально преобладали окончания вида *-o, -as, -a(t), -*

an(t), а также *-emu, -etis/*-imu, -itis для 1-го и 2-го лиц множественного числа. Среди наиболее значительных изменений можно упомянуть, что энгадинская форма 2-го л. ед. числа portest <portastu, известная с XVII в., включает в себе вопросительные формы; руманшская форма portel (около 1650г. вытеснившая форму port) либо обобщает affel (afflo), либо является следствием присоединения к глаголу местоимения ei<illum в постпозиции.

В каждой из областей ретороманского ареала для сослагательного наклонения существует только одна парадигма. Руманшская имеет вид portì, porties, portì, purteien, purteies, portien; окончания, кроме 1-го и 2-го лиц множественного числа, восходят к латинскому сослагательному наклонению на -iam. В то же время энгадинская парадигма porta, portest, porta, portents, portes, porten имеет своим первоисточником латинскую парадигму на -am со смещенным в 1-м и 2-м лицах множественного числа ударением. В восточных областях и Фриуле снова преобладают формы типа -iam.

В ранних ретороманских текстах формы императива 2-го лица единственного числа имеют вид porta/porte, vende, dormi. Впоследствии, по аналогии с I спряжением, произошла унификация: руманш., энгад. porta, venda, dorma; различия остались для множественного числа – руманш. purtei, vendei, durmi; энгад. purte, vende, durmi. Фриульские формы оказались предельно близки латинским – parte, partet; vent, vendet; duar, durmit. В руманшском также сохранились 3 типа герундия -ant/ent/int (ont для I спряжения в Дизентисе), в энгадинском все было приведено к единой форме -ant, но позже восстановилась форма -int, по фонетическому принципу во Фриуле перешедшую ко II спряжению.

Среди «неправильных» форм глаголов настоящего времени обязательно стоит упомянуть вспомогательный eser «быть», в Граубюндене в изъявительном наклонении имеющий следующие формы: руманш. sun, eis, ei, esen, eses, en; sum, est, eks, esents, eses, sum в Энгадине, son, sais в Тироле и sin, ses во Фриуле. Руманшская форма 3-го лица множественного числа имеет явное родство со староитальянской, а в Тироле также наблюдается e. Вспомогательный aver «иметь» в единственном числе значительных изменений не претерпел, за исключением Энгадина, где формы глагола фонетически преобразовались до de, est, o. В 1-м и 2-м лицах множественного числа происходит выпадение начального согласного, e.g. руманш. vein, veis, энгад. vaints, vais, тирол. on, ais, фриул. vin, ves; 3-е лицо множественного числа, как, например, в энгад. em, является производой от народной латинской формы *hant. Совершенно продуктивна форма настоящего времени изъявительного наклонения от глагола, равносильного *potere «мочь, уметь», при этом сохранена форма 1-го лица единственного числа pos<possum, и в некоторой степени от *volere «хотеть», в энгадинском диалекте давшей форму voel<*voleo. Хотя в Рейнской области редко, но встречается форма vi<*vil<*viy<vellio, подтвержденная меровингскими формулами, но с утратой начального слога формами 1-го и 2-го лиц множественного числа: e.g. руманш. lein, leis. Эволюцию претерпели также глаголы dare «давать» и stare «стоять»:

в Граубюндене произошла очень ранняя замена *dao> dono, повлекшее за собой образование композита *stano (ставшего впоследствии этимологом для руманш. dundel, stundel, энгад. dum, stum), в то время как парадигма оставалась неизменной. В долине Рейна сохраняется финальный t в односложных формах 3-го лица ед. ч. dat, stat> руманш. 3-е л. мн. ч. daten, staten, тогда как в других областях этимонами служат латинские dant, stant. В случае с глаголом *fare «делать» первоисточником повсеместно является 1-е л. ед. ч. facio, равно как и другие, тождественные итальянским, формы, в частности, на западе Ретии: *fas, *fat. Настоящее время от ire «идти» – в Ретии не что иное, как совмещение корней от разных глаголов: у 2-го и 3-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. соответствующими формами являются нар.-лат. *vas, *vat, *vant, при этом для 1-го л. ед. ч. мы встречаем руманш. mondel (vom, mom), энгад. ven(venio), фриул. lin, lais<*alamus II, *alatis.

Из простых форм прошедшего времени отдельно нужно рассмотреть прошедшее время несовершенного вида. Так, у глаголов на -are формы восходят напрямую к латинским на -abam (Imperfectum): руманш. purtavel, -aves, -aven, -aves, -aven; в 1-м и 2-м лицах множественного числа смещается ударение. Для других спряжений окончания имеют вид -eva/-iva (руманш. -evel, -ivel). В Тироле и Фриуле ситуация полностью аналогична граубюнденской.

Прошедшее время несовершенного вида сослагательного наклонения осталось предельно близким к латинскому первоисточнику: руманш. purtas, purtases, purtas, purtasen, purtes; энгад. -esest, -es, -esents, -eses, -esen. Для других спряжений показательные гласные – [e] и [i] соответственно. Современный руманшский, равно как и Rumantsch Grischun, сформировал от имперфекта изъявительного и сослагательного наклонений новые времена с окончаниями настоящего времени сослагательного наклонения, e.g. vendes>vendessi, vendessien; vendeva>vendevi, vendevien. Первая форма употребляется при согласовании времен в косвенной речи в функции будущего прошедшего (e.g. Il bab a detg che el vignessi «Отец сказал, что он придет»), вторая заменяет при аналогичных условиях прошедшее несовершенное с той лишь разницей, что в романских языках была бы применена форма изъявительного наклонения, а в немецком – сослагательного, e.g. Il bab a detg che igls affons durmevien «отец сказал, что дети спят».

Именные окончания в ретороманском позволяют судить об аналогичном с языками Галлии пути развития. Об этом свидетельствует сохранение s в мужском роде единственного числа руманшскими прилагательными в функции сказуемого. Более того, в текстах XVII в. в качестве формы субъектного падежа для прилагательных мужского рода множественного числа указаны формы типа sauni «здоровые» при форме объектного падежа sauns, а также, пусть и не получившие большого распространения, формы мужского рода множественного числа на -i при форме женского рода единственного числа на -a и множественного на -s даже в восточных районах: e.g. руманш., энгад. buersa, buerses; энгад. borse, borsis «кошелек, кошельки»,

соответствующие галльским формам и, как следствие, не совпадающими с итальянскими.

В верхней долине Рейна и в Граубюндене форма мужского рода множественного числа на *-i* употребляется только в слабых причастиях: руманш. *purtai* «принесенные», *vendi* «проданные». Бифрун в ранних текстах Верхнего Энгадина отмечает форму единственного числа *rchieder* < *peccator* «грешник» (мн. ч. – *rchiaduors* < *peccatores*), не говоря уже об окончаниях *deus*, *dieu*. Данные расхождения, происходящие от склонения латинских неравносложных слов с плавающим ударением (аналогичные старофранцузским) в западных областях, привели к появлению довольно разнообразных форм: е.г. *murader* < **murator* наряду с *muradur* «каменщик», а в некоторых случаях даже со сменой значения в зависимости от контекста, как, например, в Дизентисе: *paster* «пастух коров» наряду с *pastur* «пастух мелкого скота». Более того, в Граубюндене и Тироле сохранились остатки «удлиненных» форм множественного числа мужского рода на *-ones* и женского на *-anes*, е.г. руманш., энгад. *bar* «отец», мн.ч. - *baps* или *babuns*, причем последнее также имеет значение «предки», т.е. является гиперонимом; н.-энгад. *matta* «девочка», -мн. ч. *matans*; тирол. *mut* «мальчик», мн. ч. - *mutons*; *sor* «сестра», мн.ч. - *surans*.

От ломбардского и венецианского диалектов ретороманский язык также отделяет наличие форм субъектного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лиц: е.г. руманш. *iou, ti*; энгад. *aia, tu*; тирол. *ioe, toe*; фриул. *io, tu* «я, ты», в то время как в указанных выше итальянских диалектах данные формы утрачены и используются крайне редко как энклитики. Различны также ударные формы винительного и дательного падежей: е.г. руманш. *mei, tei*; энгад. *me, te* и, соответственно, *a mi, a ti* < *mihi, tibi*. В Граубюндене применяются формы множественного числа *nus, vus* (н.-энгад. *no, vo*) «мы, вы», но на востоке путем сложения с *alter* мы имеем формы вида *noaltris, voaltris* во фриульском. Безударные формы в долине Рейна из употребления вышли практически полностью, но в Энгадине продолжают использоваться. Только во Фриуле встречаются формы субъектных падежей, вышедшие из *illui/illorum* и имеющие, очевидно, итальянское происхождение, тогда как в Энгадине и Рейнской долине была известна только форма дательного падежа *gli<illi*.

В силу фонетической эволюции и влияния аналогии с 1-м лицом довольно широк диапазон форм притяжательных местоимений. В Граубюндене своего рода отправной точкой принято считать сосуществование форм субъектного падежа, применимой также в функции звательного и как сказуемого *mes, tes*, сохранившиеся в Рейнской долине, тогда как в Энгадине, например, используется лишь один ряд форм: *mia/mies* < *meu, mea*, и, как следствие, единая для обоих родов форма. Но в XVI в. были и безударные формы *ma, ta* (мн. ч. *mieu, mes*). Выделяется в ретороманском языке и форма притяжательного местоимения

множественного числа, восходящая к виду *nossum: руманш. nies, энгад. nos/nosa.

В Граубюндене из ille происходят il/al перед гласным [I] (ilg/igl графически), мн.ч. ilt(s), la, las; lu во Фриуле (при венецианской форме el), в Тироле редуцирующаяся до [I]. В руманшском диалекте отсутствует форма указательного местоимения ессуисте «этот», в данном значении фигурируют kwei, kwel и tsel/tsei<ессе-ille «тот». Но встречается и равноправие данных форм, хотя в энгадинском диалекте прилагательные kist/kel и местоимения kisko/kello четко разграничиваются (путем добавления –ko/-lo<ессу hoc, illoc). Как относительное местоимение повсеместно используется неизменяемое ke(txa/txi в западных областях), как вопросительное в Граубюндене фигурируют формы txi для мужского и среднего родов и txe/(ударная txi) для женского. Во Фриуле распространена ранняя форма дательного падежа sui.

Использование сложных сочетаний неопределенных местоимений – одна из наиболее ярких особенностей ретороманского языка: в долине Рейна в качестве местоимения «что-нибудь» руманшский диалект использует конструкцию entsatxei<*unus-non-sapit-quid «не знаешь что», в энгадинском в аналогичном значении выступает итальянизм kaltxosa (н.-энгад. altx, тирол. valk, фриул. alk)<alquid. Значение «ничто» передается при помощи руманш. niet, энгад. ngueta<ne-gutta, очевидно, имеющих ломбардское происхождение, тогда как для н.-энгад. noela, тирол. nia, фриул. nuue отправная точка – *nullia. Нечто похожее наблюдается при передаче значения «никто»: руманш. nadyin, энгад. indyun, тирол. negun/degun<nes-unus, наряду с фриул. nisun, напрямую восходящего к ит. nessuno.

В Граубюндене сочетание двух существительных образуется при помощи беспредложного присоединения, в особенности при выражении главным существительным количественного понятия, e.g. руманш. ina goscha signurs «толпа людей», carn piertg «свинина», энгад. mia part goba «моя доля (имущества)». Происхождение данной конструкции может объясняться длительным контактом с германскими языками, что катализировало подобное использование (принадлежность между двумя существительными) дательного падежа. Степени сравнения прилагательных выражаются по аналитической модели с добавлением частицы pli, pu<plus «более» перед прилагательным. Энгадинский диалект в таком случае обращается к относительному ke (фр. que, ит. che) «чем», e.g. pu bella ke la rosa «прекраснее розы», но при сравнении схожих, равносильных явлений или понятий может употребляться ko (comme, como)<quomodo «как», как следствие, pu bella ko la rosa. Превосходная степень в Граубюндене выражается через руманш. zund, энгад. zuond, точная этимология которых неясна, но в наши дни получает распространение использование наречия fetx/fitx, e.g. руманш. in um fetg vegl «очень старый человек», возможно, происходящему от лат. fīcte «для вида», приобретая промежуточное значение «толщина» (нем. dicke gross – очень большой). Очень широко используется для передачи количества лексема abunde (энгад. avuenda, фриул. vunde), в Эйнзидельском тексте зафиксированная

в форме *afunda. Unus* «один»>.энгад. *un*, руманш. *in sa bucca* «не знают» выступает в функции подлежащего в неопределенно-личных предложениях, но нельзя не упомянуть тот факт, что в письменной речи Граубюндена широко использование местоимения *ei<illud* (e.g. руманш. *el plova* «идет дождь», *Ei ha plaschieu a niess Deus* «было угодно Господу», текст Э.Габриэля, 1611) как подлежащего при безличном глаголе.

При функционировании в качестве сказуемого прилагательного или причастия прошедшего времени мужского рода сохраняется окончание единственного числа *s*: *in prau vert* «зеленый луг» (прилагательное играет роль определения) полностью равносильно *quei prau ei verts* «этот луг зелен», или же *el ei vinius*< ст.-фр. *il est venuz* «он пришел», но подлежащим в данном случае является местоимение среднего рода. Данный факт подтверждает в том числе и наличие двухпадежного типа склонения в диалектах долины Рейна.

Нужно упомянуть о схожем с румынским языком способом выражения глагола в пассивном залоге, широко распространенным в XVI в. Бифруном: *est amatus* «он любим», в настоящее время вытесненному парафразой *venit amatus*> н.-энгад. **el vain loda* «он хвалим» (ср. нем. *er wird geliebt*), вошедшей в широкое употребление очень давно, согласно Эйнзидельскому тексту, e.g. *Sicu veni Adam perdudus* <*Sicut Adam damnatus est* «так как Адам осужден» или *Ne no veniamo si perdudi*, где внимания заслуживает форма сказуемого *perdudus/perdudi*.

Перед названиями лиц в значении прямого дополнения в глагольном предложении Энгадин и Мюнстерская долина ставят *a*: *Amer a Dieu* «любить Бога», н.-энгад. *E na pers a mes bar* «я потерял отца». Современный ретороманский диалект использует только ударные местоимения, если местоимение служит прямым дополнением: энгад. *nus ludein té* «мы тебя хвалим», руманш. *iou tei rogel* «я прошу тебя», *el a mei fatg vigni* «он заставил меня прийти», и, при местоимении после глагола - *cura ch'ella veza els* «когда она их видит». Возвратное местоимение *se*, как правило, применяется в безударной форме, единой для всех лиц: руманш. *nus vein sa riars* «мы погибли». Т.е. парафразы с использованием возвратного глагола образуются аналогично французскому и итальянскому языкам, при помощи вспомогательного глагола «быть», но местоимение ставится перед причастием, как в немецком языке, e.g. *el ei se altsaus*<*er hat sich gefreut* «он порадовался».

Обстоятельство места выражается предлогами, по значению тождественными *in/intus*> руманш. *en, ent*, энгад. *in, aint* «в» и могут усиливать друг друга, e.g. руманш. *enten ina schesa* «в коляске» – конструкция, напрямую восходящая к латыни и известная по Эйнзидельскому тексту: *intin inferno*<*in inferno* «в аду». Далее, в Ретии мы встречаем сложный предлог *tiers/tier*<**intu-versus* «к», вытеснившему *ad*: e.g. *turna tier Diu* «обратиться к Богу».

Своеобразно для Граубюндена «нагромождение» оборотов – наречий места, частиц, указывающих направление, e.g. руманш. *keu-ore-si-sum*<**eccu'hic*

foras susum in summo, энгад. kui-nan-aint<*eccu'hic in hac intus «сюда внутрь» наряду с руманш. keutras, энгад. kuatras<*eccu'has trans «туда через».

Для усиления отрицания, по аналогии с говорами северной Италии, используется частица gutta>руманш. bucca: Jau afel bucca en mes cudischs «я не нахожу в моих книгах» (Варлаам и Иосафат). Значение лат. nihil в энгадинском выражается как nus nu vains vis ngueta «мы ничего не видели», так и при помощи частицы noela<*nullia: Nun ha la rosa per noglia fluori «роза напрасно не цвела». Широко применим инфинитивный оборот запрещения: na ns reschponder «не отвечать нам».

Для соединения предложений в разговорной речи используется относительная частица ke /txa «что»: н. –энгад. la kuntrada txa no nin «страна, куда мы отправляемся», l'om txa no vain vis la txasa «человек, дом которого мы видели». В литературном языке процессы протекают аналогично с итальянским, используя il qual/la quala «который, которая»: Teis padrun il nom del qual tu portast «человек, имя которого ты носишь», а в косвенном вопросе относительное местоимение txi «кто» повторяется: Dim txi d'es statt la «скажи мне, кто был там»; данный оборот закрепился по причине обобщающего значения подобных предложений.

Условный период в ретороманском языке образует времена по модели si habuissem dedissem «дал бы, если бы имел», что прослеживается по тексту «Нового завета» в переводе Луция Габриэля (1648г.): Scha vus savesses, scha vesses vus buc cundemnu<Si autem sciretis; nunquam condemnassetis (Матфей 12:7) «если бы знали, то не осудили бы», в современном энгадинском давшем scha ves schi dessa «если бы я имел, дал бы».

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЕТОРОМАНСКОГО ЯЗЫКА

I. Состав фонемного инвентаря.

Монофтонги: ряды – 3, передний, средний, задний;
подъёмы – 3, верхний, средний, нижний.

Передний ряд – [i:], [e:], [ɛ:], [œ:]

Средний ряд – [y:], [a:], [ə:]

Задний ряд – [u:], [o:]

Дифтонги: [ai],[ae]

Трифтонги.

Согласные: класс смычных: [p],[b], [k],[g].

класс аффрикат: [ts], [dz]

класс щелевых: [f],[v], [s], [z], [ʃ], [ʒ]

класс сонант:[m], [n], [ʎ],[ŋ], [l], [ɲ],[r].

II. Структура фонемного инвентаря: одномерные оппозиции по признаку ряда:

по признаку подъёма:

корреляция: глухость – звонкость

III. Ударение: фиксированное, первый или второй слог от конца

IV. Структура слога: вершина слога – гласный.

Преобладающие типы слога: VC, VCV, CV, CVC – во всех позициях и комбинациях.

V. *Интонация*: нисходящая

VI. *Состав грамматических категорий*:

Род – 2 рода, мужской, женский.

Детерминативность – определённый и неопределённый артикли.

Число – 2 числа, единственное, множественное.

Наклонение – 4 наклонения: изъявительное, сослагательное, условное, повелительное. В энгадинских диалектах условное наклонение отдельно не выделяется.

Вид – категория не представлена. Видовые значения выражаются противопоставлением временных форм в сочетании с лексической семантикой глагола, как и во всех романских языках.

Залог – 2, активный, пассивный. Возвратный залог выражается местоименной формой.

Время – 5 (В искусственной наддиалектной форме языка): настоящее, имперфект, перфект, предпрошедшее, будущее, будущее предварительное. Перфект и формы будущего времени существуют только в энгадинском диалекте, в сурсельвском – формы будущего сложного и будущего предварительного.

Лицо – 3:1, 2, 3 лица, единственное и множественное число.

VII. *Словосочетания*:

Атрибутивные: согласование в роде и числе.

Объектные: управление.

VIII. *Предложение*: прямой порядок слов – SVO, свободный, возможна инверсия (если предложение начинается с прямого, косвенного или предикативного дополнения). Генитивные конструкции романского типа N.+de+N. Преобладание двусоставных предложений, сказуемое в предложении – на втором месте; если сказуемое выражено сложной формой глагола, то подлежащее ставится между вспомогательным глаголом и причастием, инфинитивом или герундием (рамочная конструкция).

IX. *Структура слова*: двух- и трёхморфемность. Часты сочетания двух основ, каждая из которых может быть распространена при помощи своих аффиксов (влияние германских композитных форм). Деление на слоги и деление на морфемы не совпадают.

X. *Структура словарного состава*: наличие основных лексических категорий, образованных путём аффиксации; широкое использование существительных в атрибутивной функции; наличие глаголов-связок, предлогов, притяжательных прилагательных. Развитая система наречий и местоимений (6 разрядов; наличие косвеннообъектных, прямообъектных, прямых и безударных форм личных местоимений). Категория лица глагола выражается путём флексии.

XI. *Словообразование*: Основной способ – присоединение морфем, дополняющая морфема находится в препозиции по отношению к основной.

Распространены словосложение (N.+N.; N.+ praep.+N.; V.+N.; Adv./Adj.+Inf.), грамматическая конверсия, субстантивация инфинитивов. Фузия на стыках морфем.

ХII. *Общее заключение:* язык флективный с тенденцией к аналитизму, основной способ выражения рода, числа имён, лица глагола – флексии. Частотна аналитическая модель образования глагольных форм.

Вся территория Романии делится на западную и восточную области по принципу наличия или выпадения конечного –s (на востоке отсутствующего) и озвончению в западных областях р, t, k в интервокальной позиции, что дает исследователям, например, М.А. Бородиной, называть, пусть и относительно, ретороманский язык западнороманским. Но система личных местоимений ближе к системам восточнороманских, в частности, балканороманских, так как личное местоимение 3-го лица мужского рода множественного числа сохраняет форму *ei<illi* (*i* – в сурсельвском диалекте, *igl-* в сурмиранском). *Ei* в балканороманских языках – единственная литературная форма, тогда как *ei* и *els* в ретороманском тождественны. В этой связи можно говорить о промежуточном, между восточной и западной Романией, положении ретороманского языка.

Ретороманская система местоимений близка восточно-романским также в силу распределения ударных и безударных форм личных местоимений, аналогичный процесс наблюдается в румынском языке; как и в румынском, в ретороманском ряд безударных объектных местоимений – только проклитики (рум. дат. *îmi, îti*), тогда как другие формы – безударные винительного падежа – могут быть как проклитиками, так и энклитиками; на основании данного признака относить ретороманский к западным языкам только по наличию финального *s* недальновидно. Именно поэтому М. Илиеску заостряет наше внимание на предикативном использовании причастий прошедшего времени сельвского диалекта, оканчивающихся на [i] в мужском роде множественного числа, по аналогии с существительными во множественном числе в энгадинском и фриульском диалектах, а также на отсутствие *s* конечной у 1-го лица множественного числа глаголов сельвского диалекта.

Роднит с восточнороманскими языками ретороманский также отсутствие протетической гласной; при этом эволюция латинского предлога *in* позволяет относить одни диалекты к западной группе, другие же – к восточной. В числе общих с восточнороманскими языками черт также значатся аналитическая модель образования будущих времен (пусть и спорно) и наличие *ambigens* – особого типа имен существительных, в единственном числе имеющих форму мужского рода и принимающих форму женского во множественном числе; аналогичные процессы наблюдаются, опять же, в румынском языке. Начальная стадия интерференции в лексике или грамматике – отклонение от нормы (стиль, идиолект, разговорная речь), что влечёт за собой закрепление появившегося изменения в литературном языке, расширение сферы употребления слова, что и позволяет исследователям говорить об интерференции.

В ретороманском языке, как и во всех языках романской семьи, прослеживаются следующие общие для всех романских языков черты.

1. Наличие грамматических категорий рода и числа. Категория рода является лингвистической универсалией, в ретороманском языке выражено 2 рода – мужской и женский. Данная грамматическая категория не является маркированной; способ выражения рода в ретороманском языке близок к аналогичному способу в итальянском – чётко, при помощи окончаний, артиклей и детерминативов, в том числе в случае слияния артикля и предлога, где определить род существительного можно безошибочно, за исключением случаев нейтрализации при элизии, в отличие от французского языка, орфография которого основана на историческом принципе. Т.е. устоявшееся написание слова и произношение на современном этапе развития как языка, так и общества, не совпадают; фонетически на мужской род существительного во французском языке указывает вокалическое окончание, тогда как на женский – консонантное. Способ выражения категории числа аналогичен и близок к итальянскому: чётко различимые как на письме, так и в устной речи оппозиции артиклей и замена окончаний, за исключением таких слов, на множественное число которых указывает только форма артикля, а внешняя форма слова остаётся неизменной, e.g. LA crisi – кризис, проблема(ит.) (fem., sing.), но LE crisi – (fem., pl.).

Во французском языке преобладают формы, немаркированные по числу, изменяемость или неизменяемость по числу в устной речи распознать сразу не всегда представляется возможным.

2. Категория детерминации существительных, выражаемая при помощи определённого или неопределённого артикля; при этом, равно как во французском и итальянском языках, нельзя утверждать о равносильности определённого артикля и possessiva (хотя в итальянском языке они могут функционировать в одной синтагме, а qualche вообще включено в парадигму условно, поскольку может выполнять функцию детерминатива).

3. Наличие категорий лица, числа, времени, наклонения и залога у глагола. Как и в других романских, в ретороманском 4 наклонения и 2 залога, о чем говорилось выше. Времена изъявительного наклонения: настоящее (морфемы лица, нулевая в 1-л ед. ч. энгадинского) – jeu cantel, eau chant; имперфект, простое прошедшее (морфема времени –et/ett/ie), перфект (настоящее время вспомогательного глагола+причастие настоящего времени), плюсквамперфект (простое прошедшее или имперфект вспомогательного глагола+причастие), сложное предпрошедшее (простое прошедшее вспомогательного глагола+причастие) (ср. фр. passé antérieur), будущее простое (как аналитическая, так и синтетическая модель: eau chantaro, jeu vegnel a cantar), будущее сложное, образующееся аналитически при помощи вспомогательных глаголов «иметь», «быть», «становиться»: jeu vegnel a haver cantau. Точно так же, как и в итальянском языке, вспомогательные глаголы спрягаются сами с собой. В общей сложности мы имеем 8 времен, как во французском или итальянском языках. Но эта общая черта обманчива,

поскольку в сельвском диалекте форм простого прошедшего и сложного предпрошедшего нет. Сельвский плюсквамперфект образуется не только через имперфект вспомогательного глагола, но и через форму простого прошедшего: *jeu erel/fuvel staus*, в то время как энгадинский «ограничивается» имперфектом: *eau eira sto*. Синтетическая форма простого будущего в энгадинском *chantaregia* и вообще ранее была формой сослагательного наклонения, но в наши дни абсолютно тождественная более ходовой аналитической форме *eau chantaro*. В конечном итоге, вытеснение синтетических временных форм аналитическими – неизбежный этап для всех романских языков, и ретороманский не является исключением, пусть это характерно лишь для сельвского диалекта не без влияния немецкого. В.М. Жирмунским как раз было отмечено замещение простого прошедшего сложным в южной части Германии.

Сослагательное наклонение ретороманского языка включает в себя 6 времен, как и португальское (в итальянском и французском 4 времени, в румынском 2): настоящее, имперфект, перфект, плюсквамперфект, 2 будущих времени; последние, как и в португальском, образуются при помощи глагола *ter* «иметь» <*tenere*«держать», но ощутимо влияние будущих времен немецкого конъюнктива, используемых в косвенной речи для согласования времен, e.g. *du werdest nach Moskau gekommen sein*.

Условное наклонение насчитывает 4 времени, по 2 формы (прямая и косвенная) в каждом. В энгадинском условное наклонение не оформлено, что подтверждает ранние гипотезы о несамостоятельности условного наклонения в романских языках. Употребление времен и наклонений полностью идентично французскому и итальянскому языкам с той лишь разницей, что условное наклонение используется в придаточных гипотетических с «если», тогда как во французском языке для этой цели служит изъявительное: энгад. *eau t'avess musso mia collecziun da crystals scha tu fusssast gnieu*, фр. *si tu étais venu*.

Также родство ретороманского и итальянского языков проявляется в отсутствии неопределенного артикля перед существительными во множественном числе, опущении артикля при выражении частичности, спряжение возвратных глаголов с *avaig* с сложных временах и, как следствие, отсутствие согласования причастия прошедшего времени по роду и числу; не согласуются в сложных временах причастия с прямым дополнением в препозиции к сказуемому.

Наблюдаемые между ними различия проявляются в фонетике, менее ощутимо – в графике. Очень частотны беспредложные атрибутивные сочетания, особенно в сурсельвском диалекте, e.g. *in toc raun* «кусочек хлеба» < ср. нем. *ein Stück Brot*.

В этом пункте стоит так же отметить абсолютно романский способ выражения партитивности – через предлог *da*, по значению идентичный французскому *de* или итальянскому *di*. Но в ретороманском языке, как и во всех, кроме румынского, романских языках, падежные отношения выражаются аналитически, т.е. при помощи предложных или местоименных конструкций,

что вполне можно охарактеризовать как «остаточные явления» латинского склонения.

Как мы видим, временные парадигмы изъявительного наклонения обеих групп диалектов почти идентичны, но не без оговорок. Так, в сельвских диалектах нет формы простого перфекта, зато есть не только сложный, но и такая редкость для современных романских языков, как сверхсложный, сформировавшийся не без влияния формы *passé surcomposé*, в современном французском языке давно утраченной. Очень наглядно проявление романо-германской интерференции в образовании форм будущего времени. Простое будущее время образуется для романских языков вполне предсказуемо, при помощи глагола *vegnir* «приходить» в настоящем времени, предлога *a* (или *ad*, если слово начинается с гласной) и инфинитива смыслового глагола – налицо родство французской формы *futur immédiat* - (*aller* «приходить» в настоящем времени и инфинитив) или итальянской *stare per* + инфинитив, с той лишь разницей, что глагол *stare* переводится как «быть» и скорее отражает состояние, в том числе физическое. Но сложное будущее время образуется уже по близкой германской модели: к *vegnir* и предлогу глагол ставится в форме инфинитива прошедшего времени, т.е. причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола, в зависимости от переходности / непереходности / модальности глагола, как пример тому можно привести немецкий *Futurum II* (*werden*+Partizip II+haben/sein).

III.В лексическом фонде языка наибольшая доля заимствований приходится на немецкий (в сельвских диалектах) и итальянский (в энгадинских диалектах) языки, заимствований из французского языка очень мало. В этой связи можно говорить скорее об инстратах, или иноязычных вкраплениях в ретороманском языке. Более того, влияние немецкого языка на лексику также проявляется в словообразовании, большое количество сложных слов является, по сути, кальками с немецкого языка, реже – с итальянского:

e.g. *giavischar* < нем. *wünschen* «желать»

tenercasa < нем. *Haushalt* «домашнее хозяйство»

viafer < ит. *ferrovia* «железная дорога»

В конечном итоге, на примере всего вышеописанного можно говорить о ретороманском языке как о языке романском с ярко выраженными германскими чертами, что стало возможным как в ходе исторических процессов, протекавших в регионе, например, германизации Реции в Средневековье, так и текущей уникальной ситуации равноправной полигlossии, сложившейся в Швейцарии. Лингвогеографические принципы дифференциации языков также могут быть положены в основу классификации языков мира. Если рассматривать с позиции ареальной лингвистики западную Европу, то выделяются центральные (немецкий, французский, итальянский языки) и маргинальные зоны. Ретороманский язык относится к т.н. языкам маргинального ареала в силу своей значительной архаичности в сравнении с языками центрального ареала, меньшей нормированностью и испытывающим

значительную интерференцию с соседними языками – немецким, итальянским и французским.

В заключение можно сказать, что ретороманский язык в силу уникальных условий образования и функционирования при равноправной полигlossии остается крайне мало изученным. Можно сделать следующие выводы.

1. Фонетический строй ретороманского языка развивался почти аналогично другим романским, характерны палатализация и частая дифтонгизация гласных;

2. Лексический фонд крайне архаичен в силу закрытости ретороманского ареала и экстралингвистических факторов (чередование диалектов, разные орфографические системы для католиков и протестантов), сильная интерференция с немецким и итальянским языками, на данные языки приходится наибольшая доля заимствований.

3. Грамматический строй по своим характеристикам позволяет относить ретороманский язык к романским, пусть и с германскими чертами.

Список литературы

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2005.
2. Бородина М. Современный литературный ретороманский язык Швейцарии. М., 1968
3. Богородицкий В.А. Введение в изучение современных романских и германских языков. М., 2003.
4. Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 2008.
5. Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
6. Зинкевич А.В. Введение в романскую филологию: курс лекций. Минск, 2003.
7. Caduff R., Caprez U., Darms G. Grammatica per l'instrucziun dal rumantsch grischun. Friburg, 2009.
8. Rut B. Grammatica di Ladin sta lingue neolatine. Introduzione alla filologia romanza. Bologna, 1969.

ROMANIC AND GERMANIC TYPOLOGICAL FEATURES OF THE RHAETO-ROMANIC LANGUAGE

Yu.N. Varsonin, D.G. Percikova

Results of comparative-historical analysis of Germanic and Romanic typological features on the material of the Rhaeto-Romanic language are given. Distinctive features of Rhaeto-Romanic vocalism as long-run evolution products, word-building specifics, the causes of regional lexical differences, dialects' semantic evolution, grammatical categories and syntax are discussed. Rhaeto-Romanic is seen as an independent Romanic language having a large set of Germanic features, in particular, the German language features.

Ключевые слова: the Rhaeto-Romanic language, Germanic languages, the Italian language, typology, comparative-historical language description